

РОМАН СТАНОВЛЕНИЯ

Его Лесничество

...какому божеству послужит твое детство...

СТЕПАН ЗОЗУЛИН

16+

Степан Зозулин

Его Лесничество

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50148258

SelfPub; 2021

Аннотация

Сонный город прислушивается к отдаленному рычанию Зверя. Взрослым чудится крадущаяся в ночи Война. А детям и не остается ничего, как принять на веру их страхи. Детство заканчивается слишком быстро, брошенное на алтарь разбуженному родителям божку.

Вчерашние дети остаются наедине с миром, живущим по недетским законам.

Сможет ли кто-то защитить их там, где не сумели взрослые?

Содержание

Игра 1. Прятки	4
0. Джи и Ром ищут клад	5
1. Рихтер встречает пленных	26
2. Хармса отвлекают от чтения	39
3. Грина выставляют вон	50
4. Джи приносит домой известия	58
5. Грин режется в ножички	71
6. Рихтер заступает за чужих	79
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Степан Зозулин

Его Лесничество

Игра 1. Прятки

Дети взрослеют во время войны.

Дети взрослеют во имя войны.

Дети взрослеют, в том нет их вины.

Дети взрослеют. Те дети – уж мы.

Считалочка

0. Джи и Ром ищут клад

#1

За окном стоял март, и Рому было немного страшно.

Нет, проснулся он, разумеется, не от страха. Джи строго-настрого запретил ему бояться. *Я пока что присмотрю за тобой, – говорил он. – Но, чур, не бояться, договорились?* И они договорились. Родителям было пока что не до них. А Ром только и думал, сумеет ли он переждать это вечное *пока что*, которое стало самым длинным промежутком времени.

Он часто переспрашивал у Джи, долго ли они будут братьями, на что Джи без запинки отвечал *на веки вечные*.

А Ром про себя – чтобы не расстраивать брата – добавлял: *пока что*.

Так вот, проснулся он вовсе не от страха, а от звучащих неподалеку голосов. Страх приплелся мгновением позже, когда Ром заново начал мысль, которой перед сном оканчивал многие вчерашние дни. Он обдумывал возможную жизнь без родителей. По всему выходило, что такое вполне возможно.

Иногда он хитрил и подолгу не засыпал, подслушивая родительские разговоры. А иногда разыгрывал шпиона, перебираясь по утру в родительскую постель *отходить ото сна*.

В такие минутки можно разжиться кое-какими сведениями.

Ром приоткрыл правый глаз и устремил зрачок к отцовскому столу.

Отец сидел в пол-оборота, отвернувшись от разбросанных бумаг, и беседовал с мамой. Та восседала рядышком на низком табурете, бывшем когда-то детским стульчиком. Глядела на мужа снизу-вверх. И задавала обычный их разговор.

– Ты бы отдохнул.

– Ты же знаешь, я не могу.

– Тогда перекуси немного.

Отец с видимой неохотой взглянул на край стола, где ютился скромный поднос с дымящейся кружкой и ломтиком серого хлеба.

– Ром еще спит. Проснется, и ему нечем будет позавтракать.

– Не беспокойся, у нас есть еще.

Как только мать соврала, отодвинувшийся было страх снова подполз ближе. Расположился со всеми пожитками прямо на впалой Ромовой груди. Но пока он трясся изнутри, родители уже переменили тему. Мать молчала, а отец сидел в пол пол-оборота, намереваясь вернуться к работе. Его остановила просьба матери, которую Ром пропустил мимо ушей.

Она еще раз робко попросила: *Скажи, что меня любишь.*

И отец без запинки отвечал: *Я тебя люблю.* Сообщая Ро-му такую уверенность в начавшемся дне, что

Ром *проснулся* и стал потягиваться на кровати, всколыхнув горку одеял над собой.

Отец, завидев шевеление в углу, встрепенулся; рука матери соскочила с его колена, сработав как тумблер. Настроение переключилось в рабочий режим, и она приняла командование на себя:

– Ничего, ничего, сиди работай.

Это отцу. И тут же в сторону кровати:

– А ты поднимайся, сынок. Все уже давно встали.

Ром понял, что рассчитывать на большее не приходится, и раскопался из теплой постели.

Отопление пока что не отключали, но припустили на самый нижний порог. Только чтобы трубы не замерзали, а люди могли кое-как существовать в бетонных квартирах.

Но мальчонка, спавший в байковой пижаме, залатанной на локтях и коленях, под утро распарился в плену одеял. И когда скинул ноги на линолеум, аж поежился и вскинулся мелкой дрожью от самых пят.

– Иди, ешь скорее, пока у матери вода не остыла, – сказал отец.

Он послушался жены и наблюдал за пробуждением сына, пока та вышла из комнаты и отправилась по делам на кухню.

Ром улыбнулся, но не очень-то искренне. Белобрысая голова с коротко остриженными волосами и оставленной торчать челкой так и вытягивала из отца улыбку. Ром казался хитрющим пацаненком – настолько хитрым, что сумел бы за-

просто обхитрить кого угодно. Начиная с себя. Потому отец и улыбался, что видел наперед затеи младшего сына.

А вот Ром с недавних пор отца побаивался и предпочитал не оставаться лишний раз с ним наедине. Уж больно часто мать его одергивала.

Отца-нельзя-отвлекать-и-лишний-раз-беспокоить.

Сотый окрик и Рому хватало ума понять!

Мелкий двинулся по дуге от тапочек к двери. Он походил на пугливую собаку. Ту удерживал хозяйский поводок, а окружность для Рома расчерчивал собственный взгляд, устремленный на отца.

Тот, кстати, не казался таким уж злым и неприветливым. Напротив, улыбался. Но улыбка выходила с кривцой, – так и дополняла материн наказ.

Вытолкала Рома за дверь вместе с тапочками, которые остались у него в руках.

#2

Наспех позавтракав, он предстал перед старшим братом.

Тот даже не поздоровался. Рому пришлось прочистить горло, стоя посреди комнаты, чтобы заметили его присутствие.

Нет, на звук он не обернулся – такого от Джи не дождешься. Зато едва заметно повел плечами, как будто в комнате вдруг похолодало.

Ром ринулся закреплять успех.

– Что делаешь?

– Дела. Чего тебе?

– Родители заперлись в комнате.

– И?

– И-и... что ты делаешь?

Куинджи отложил в сторону карандаш. Его аккуратно постриженная голова на секунду задержалась в верхней точке, где он незаметно для брата цыкнул, а потом повернулась вслед за телом в сторону Рома.

– Ты уроки все сделал?

Задав вопрос, он откинулся на табурете, поднял правую ногу и сцепил руки в замок под коленкой. Таким же закрытым казалось в этот момент его лицо с зачесанными на бок русыми волосами. Густые ресницы вроде бы и распахивали в нетерпении глаза, но лучи выстреливали из них прямо в надвинутые брови. Рикошетили в стену и потолок. Не зря отец, когда еще считался в семье шутником, метко прозвал Джи за его напускную взрослость *бабулёнком*.

Только вот у Рома-то все было схвачено!

– Сделал, – ответил он.

– А по дому? – не отставал Джи.

– Да.

– И позавтракал? Со стола убрал? Зубы почистил?

– Да, да, да, – ответил Ром, а на последнем вопросе еще и открыл настежь рот, демонстрируя, очевидно, чистоту зубов.

– Я все равно занят! – оборвал ликование брат.

Но поворачиваясь обратно к столу, он успел вовремя заметить, как осветившееся, было, лицо Рома тускнеет, а форма рта принимает угрожающий вид. Верхняя губа чуть подсакивает к носу и начинает трепетать, как листок на ветру. Пока видно это движение, – еще куда ни шло. Но стоит губе остановиться – жди беды. Ром примется *скандалить*. Да еще так, чтобы было слышно в соседней комнате.

Родителям и так не позавидуешь, а тут еще мелкий. Как будто не понимает ничего в свои девять.

Ну ладно, почти девять

Несмотря на эти мысли, Джи не сердился на брата. Если бы не Ром, он бы тоже не знал, чем заняться. Только, в отличие от мелкого, мог позаботиться о себе сам.

– Ладно, сиди рядом, – сжалился он. – Только не болтай, а то ничего не получится.

Ром расчистил табуретку, стоявшую возле кровати, и приставил к столу. Перед старшим братом лежал раскрытый материн ежедневник. Младший знал книжицу наизусть: коричневая обложка “под кожу” с рыжеватым теснением *Бухгалтерия-80* и таким же ярким срезом. Это при том, что страницы были спокойного желтоватого цвета. А закладка – коричневая – под цвет обложки.

Святая святых Куинджи. В ней брат хранил загадочные записи, которые раз от разу делал за этим самым столом.

На открытом развороте была начертана карта. С кучей

обозначений и перекрестьем, вцарапанным в бумагу красным карандашом. И такой же красной пунктирной линией, ведущей к намеченной цели.

Ром склонился так низко, что чуть не касался бумаги носом. Кто знает, быть может, если бы он до неё докоснулся, – уж не перенесся бы прямым в нарисованный черной пастой лес; не оказался ли на островке посреди столь же черного озера; не ослеп ли под лучами палящего черного солнца.

Последнее особенно возмутило мальчонку.

– И где ты видел черное солнце?

Джи отложил карандаш, которым как раз заштриховывал кудлатые обводы облаков. Ещё раз присмотрелся к бумаге, словно на самом деле хотел обнаружить досадный изъян. Но в последний момент парировал:

– Это вражеская территория. Как бы я, по-твоему, её изобразил?

Теперь пришёл черед Рома отстраняться от рисунка, менять угол зрения и наново всматриваться в чёрные штрихи.

По его лицу, ставшему в миг курносым, Джи сделал вывод, что нужного эффекта он достиг: брат заинтересовался. *И даже больше!* Пришел в неопишуемый восторг. С дозволения Куинджи взял в руки карандаш и набросал в самом начале пунктирной линии человечка из палочек и кружочка. Сказал:

– На месте этого солдата я бы поскорее отправился к сво-

им.

Куинджи одним движением перехватил у брата карандаш и обозначил рядом человечка поменьше.

– Хорошо, что он тут не один! – торжественно заключил он.

Ром обернулся на брата и одними глазами сообщил, что и он рад этому обстоятельству. А Джи уже всю дирижировал затеей.

– Но прежде, чем наши герои перейдут линию фронта и попадут к своим, – в возникшей паузе из живота Джи разнеслось предупредительное урчание, добавившее его словам еще больше веса, – они должны выполнить секретное задание и добыть документ государственной важности.

Глаза Рома округлились. Он вскочил с табурета и бросился к кровати. На коленях склонился перед ней и стал шарить рукой возле ножек. Извлек пару крупных клочьев пыли, но среди неё – своё сокровище. Жестяную банку из-под леденцов монпансье. Картинка на банке изображала катание на коньках на сельском пруду. Ром посетовал про себя, что картинка не самая подходящая.

Тут уж все зависит от Джи

– Как думаешь, Джи

Последний вдох и выпалить скороговоркой:

– Могли вражеские офицеры хранить документ государственной важности в такой вот коробке?

Задавая вопрос, он как бы вверял своё детское воображе-

ние во власть старшего брата. И принял бы любой ответ.

Но как же хорош был сегодня Джи!

– Думаю, вам стоит запрятать коробку получше, полковник.

Куинджи вскочил на ноги, вытянулся во фронт и отдал честь так и застывшему у кровати Рому.

– Трубите сбор, мой друг, мы отправляемся в поход!

#3

Пока Ром носился по квартире, Джи спустился на улицу.

Родители не заметили, как он уходил. Сколько он провозился с лыжами? Минут пять – так уж точно. Потом ещё грохнул дверью на прощание. *Не специально, честное слово.* Но родители всё равно не заметили, а Джи не обижался. По крайней мере, за себя.

Он-то никогда не останется один.

Ища подтверждение мыслям, Джи поднял глаза и в проеме между домами увидел красно-белую фабричную трубу. Она высилась над городом своеобразным флагштоком. Вот только знамена в эти дни оставались приспущены – никакого тебе заводского дымка.

Ну и где же ты, дружище?

Джи глядел, не отрываясь. Где неопытный глаз не заметил бы ничего подозрительного, Куинджи различал обрешетку помоста, устроенного вокруг самой верхушки трубы.

Технические ярусы давно обвалились. (Или это башня их

сбросила со своих боков.) Остался верхний периметр с лестницей, ведущей от самой фабричной крыши.

Где же ты

Вдруг показалась фигурка.

Медленно выплыла из-за каменного обвода. Такая же угловатая и неясная как намалёванные на детской карте. За спиной у палочного человечка еще одна длинная палка.

Ребята поговаривали, что Караульный – почти ровесник Куинджи – парень из их школы. Называли разные имена и возраст. Вряд ли узнаешь наверняка. Но Джи безнадежно завидовал названному приятелю.

В его круговом движении чудилась настоящая взрослая жизнь.

А Куинджи вместо неё приходилось день ото дня с грустью оглядывать по кругу опустелый двор.

Их дом выстроили буквой Г, а чтобы он никогда не скучал, вlepили напротив каменного близнеца.

Два многоподъездных дома друг против друга, а во дворе пустота. Второй корпус так и не успели сдать в срок. Поэтому квартиры заполнялись самотёком. Теми, кому негде стало жить.

Жильцы постоянно менялись, но вот их наличие вычислить проще простого.

Джи прошелся глазами по фасаду, отсчитывая окна, напрочь задрапированные досками и картоном. Из некоторых

торчали трубы буржук, накрытые прокопченными колпаками. Иные дымились, выдавая проснувшихся хозяев. Все-го-то десять семей.

Скрипнула дверь подъезда, и появился Ром. В черной пехорке с отворотами и ремешком на крючках (наследство Джи), серых болоньевых штанах (раздобыла мать) и неизвестно откуда взявшихся обрезиненных сапогах с подкладкой из свалывшейся ваты. Довершала образ небесно-голубая шапка-петушок с белой каймой и надписью “Спорт” (доставшаяся, конечно, от отца).

Джи не без улыбки приблизился к брату, отвлекаясь от дурных мыслей.

– Ну как, двинули?

#4

За ночь насыпало снега, и старшему приходилось шагать впереди.

Вереница следов протянулась за ними сначала по диагонали через двор, потом завернула за угол дома напротив и отпечаталась на школьном дворе, затем пересекла периметр районного стадиона, помялась перед расчищенным полотном дороги и, пока армейский регулировщик отвлёкся, перепрыгнула по воздуху через дорогу и шмыгнула под ёлки у памятника прошлой победе.

Здесь Куинджи осмотрелся и жестом скомандовал обуться.

Короткая передышка под скрип лыж и снега под ногами. Почти синхронно выпрямились, оттолкнулись и покатали.

Впереди обливался потом Джи.

Мало того, что ему достались тяжелые деревянные лыжи, так он ещё и прокладывал лыжню по целине. Ром на коротких пластиковых лыжиках совсем на это не годился. То и дело проваливался по колено, а брат, разогнавшись чуть сзади, наскакивал на него или неловко тыкал безразмерными палками.

Километрах в пяти от дома слышали канонаду. Подлезали под шлагбаум на въезде в лес и машинально задрали головы, но макушки деревьев оградили от зрелища разрывов.

Братья, не сговариваясь, повернули головы – убедиться, что снаряды, лопающиеся в отдалении, не залетят по ошибке в их район. Разрывы ложились редко и неохотно, перемещались в пространстве. Из места, куда улёгся самый первый, так же лениво поднимался дымок. А детские глаза стремились всё дальше. Туда, где как раз просыпались жители их двора.

Ром совсем приуныл. Куинджи пришлось силой возвращать его в экспедицию.

– А ну, поторапливайся! – громко крикнул он, воспользовавшись лесным простором. – Враг близко!

Младший повернул голову, но поначалу словно не узнал ни брата, ни столпившиеся за ним берёзы. Куинджи вскинул

палку и ощутило двинул брату по бедру. Поднятая щепотка снега брызнула на пехору, оставляя седую каемку на меховом отверстии.

– Так точно! – вскрикнул как ненормальный Ром, очевидно, даже не расслышав приказа.

Ром запыхался и заметно отстал.

Старший поджидал его возле спуска к реке. Он вглядывался в долину сквозь окуляры бинокля из сложенных горстками пальцев. Намётанным взглядом обозначал каждую точку, где враг мог устроить засаду. И простроил путь на другой берег.

Русло здесь становилось чуть шире. Река изгибалась под натиском леса и напоминала змейку, как их рисуют на старых гербах. Два белоснежных витка выдавали могучего альбиноса с пятнами-промоинами по всей длине тела. Вдоль противоположного берега деревья тяжело колыхались на ветру, заваленные снегом. Казалось, будто змея медленно-медленно ползет по своим гигантским делам.

Возможно, именно она и пожрёт в конечном счете их горд.

С последнего залпа прошло минут двадцать пять. Джи приподнял рукав и наблюдал, как наматываются цифры на секундомере. Через пять минут последний, а потом все разбредутся по делам до вечернего обстрела.

Джи похлопал брата по плечу и три раза махнул указа-

тельным пальцем в сторону реки: *выдвигаемся.*

#5

Возвращались назад уставшие и мокрые. Но довольные.

Силёнок совсем не осталось, а Джи, раздувая красные щёки, пер снегоколом по белоснежной целине.

Ребята вышли из леса чуть выше по течению и поленились вернуться к лыжне. На их счастье солнечных дней становилось всё больше, и снег оседал всё ниже, поблёскивая слоём глазури. Но месить даже такой снег – дело не из приятных. Упёртый наст шкрябал по щиколоткам и не давал лишний раз поднять ногу.

То и дело Джи останавливался и поджидал Рома. Мелкий совсем сдулся. Но упрямо шмыгал носом, не решаясь запросить пощады.

Перекур пять минут, – командовал Джи, радуясь возможности перенести вес тела со спины на палки.

Ром стягивал ремешки с ботинок и плюхался задницей на снег. Чтобы по прошествии пяти минут бесить нетерпеливого брата новыми сборами.

Джи засекал время до нового привала, когда увидел по левую руку промоину.

Он не усомнился в крепкости льда, но машинально сделал “елочку” вправо, проламывая искрящийся наст.

И пошёл дальше, раздумывая о том, как бы выбраться на

дорогу, чтобы сбросить тяжёлые деревянные и двинуть по снегу пешком. Пусть хоть проваливаться по голень. Всяко удобнее, чем два чёртовых бревна, примотанных к ступням тугими резинками.

Чертыхнувшись, он хотел было шлёпнуть себя три раза по губам, как это делала бабушка (и всем рекомендовала так делать!), но вместо этого услышал крик. Отрывистый, будто снежный покров проглотил его, не дав добраться до верхней точки.

Джи повернул назад. Шапка полезла мехом в лицо. Со лба катился пот, норовя попасть в глаза.

Рома нигде не видно.

Куинджи отерся тыльной стороной рукавицы.

И всё равно Рома не было.

Старший развернул лыжи. Они дыбились и брыкались, как разъярённые кони.

Из последних сил Джи рванулся назад по лыжне.

Ром! – кричал он.

И тут же повторял:

Ром! Ром! Ром!

Пара изо рта лезло больше, чем звука, – Джи порядком выдохся, выделявая солнцеворот на строптивых лыжах.

Теперь пот лился прямо из глаз, соединяясь с первыми слезами. Куинджи закусил до крови губу и сдвинул потуже брови, становясь быком, становясь взрослым, упрямым, злым.

Поддай только знак, дружище!

К воздуху рванулась лыжная палка. Чуть правее и слишком далеко отсюда. Взметнулась в воздух. И упала вниз.

Куинджи нащупал взглядом борозду, примыкающую к его аккуратной лыжне.

Следом прокрутилась упущенная картинка: чёрное пятно промоины, сверкнувшее на солнце голубым, когда он отворачивал взгляд.

Отсюда начинались следы. Огромные. Снежный человек, не иначе.

Ром попытался катить, но короткие лыжики не взяли на-ста.

Не доходя до промоины, Джи остановился.

Бултыхнувшись в воду, мелкий проломил корку, и теперь поверхность воды напоминала подмороженную газировку. Кашица из льда и снега покачивалась вслед за движениями брата, пытавшегося удержать равновесие. Сам Ром вцепился в кромку левой рукой, а правую с так и не отцепившейся палкой положил сверху.

Голубая шапка плавала на поверхности, а оголённая голова с намокшими волосами казалась в свете солнца почти лысой.

Без лишних движений Джи отстегнул лыжи и лег на живот. Всё как учили. Задницу к снегу, ползти на локтях, выталкивая тело коленями. Контролировать дыхание, голову

приподнять.

От уверенности быстро не осталось воспоминаний.

Возле промоины, от которой так и несло сыростью и тяжелым, пробиравшим до костей, холодом, Джи месил лицом снег, а вода покачивалась прямо под ним и, кажется, отдавала в печенках стрекочущим рокотом. Обманчивость льда раскрылась перед ним, и парень понял, что оказался на – пусть и огромных размеров – но льдине. А под ним бесновались ледяные твари, тыкаясь твердолобыми головами в ледяную скорлупку. Грозя унести их вместе с братом в подводные глубины.

Их с Ромом взгляды пересеклись, и наваждение пропало.

Ром вопил.

Не раскрывая рта и не издавая ни звука, он вопил и звал на помощь.

Ну что, умылся? – спрашивал он себя раз за разом.

Так жарко, а Джи так далеко ушёл, что Ром плюнул и остановился, не в силах сделать ни толчка. Захотелось рухнуть на снег и закопаться, ощущая, как тает от жара тела ледяное убежище.

Слева завиднелось неровное темное пятно. Вода подступала к поверхности и переливалась фонтанчиком через край образовавшейся в корке дыры. Ром представил, каково прильнуть щекой к тонкому ледку, а потом приложиться к источнику и напиться проточной воды.

Ноги понесли в сторону от лыжни. Он высоко их задирает, выдергивая из плена наста и опускает как можно дальше вперёд. Даже на это они были согласны ради смачного глотка.

Он опустился на четвереньки и потянулся поближе к набегающей воде.

Подвела рукоятка палки, поставленной в распор. Под весом мелкого она ушла под воду, увлекая его за собой. Тонкая корка не оказала падению ни малейшего сопротивления, и он погрузился по пояс.

Не на шутку испугавшись, Ром засучил ногами. Тело соскользнуло ещё ниже, а ноги задрались кверху. Мальчонка встал в проталине как поплавок. Несколько раз клюнуло, но лыжи перевесили и с плеском опрокинулись в воду. Ром ткнулся лбом уже в настоящий лёд. В таком не сделаешь дырку пальчиком.

Подумал, что ему, наверное, хана.

Спасла вторая палка. Чудом зацепилась во время падения. Ром сумел подтянуться и выбрался из-под льда. Вынырнув, он сразу почувствовал, насколько тут холодно. Шапка куда-то пропала и легонький ветерок, которого он почти не чувствовал, находясь по ту сторону промоины, обернулся арктическим шквалом.

Ром попытался вылезти на лёд, но оттолкнуться ногами мешали лыжи. Он вроде бы уже ловил баланс и чуть ли не наступал прямо на воду, но в последний момент лыжики накренились и вместо точки опоры получался гребок назад ко

дну.

А потом появились бешенные глаза Куинджи. Причём, появились не оттуда, откуда обычно появлялись человеческие глаза. А прямо из-за снега, на уровне щиколотки или коленки. Будто Джи превратился в собаку из спасательного отряда.

Но видом походил скорее на волка.

С утробным рычанием выбросил вперед руку, которая растянулась на добрых два метра. Перелетая через голову Рома, подмигнула крупной надписью “ЮНОСТЬ” и как влитая встала над промоиной, ставшей уже давно прорубью. В крепости *такой* конструкции сомневаться не приходилось. Да к тому же сверху склонился Джи в форменной шапке-ушанке их арктической экспедиции. Волоски на меховом отвороте развевались на северном ветру и делали его вид героическим.

Ром держался на воде из последних сил. С надеждой на руки и подоспевшего брата; проклиная дурацкие лыжики, которые сдали его, которые топили, чуть стоило пошевелить ногой. И ноги висели ватные, ненужные. Поэтому что угодно, только бы не думать о предательских ногах, не загрести онемевшей ступней. Смотреть только на Джи, на его раздувающиеся ноздри, на оголённую шею, за которую бабушка непременно высказала бы всё, что думает.

Джи почувствовал и поймал его взгляд.

– Вот и правильно, смотри на меня.

Его голос подрагивал и выдавал с головой.

А потом Джи ни с того, ни с сего хохотнул.

Ром вопросительно посмотрел снизу вверх.

Смотри на меня, приятель. Вот и правильно.

И так по кругу.

Ром вот-вот уйдёт под воду.

Джи боролся с желанием нагнуться вперёд и попытаться вытянуть брата из лунки.

Нет, так они оба окажутся в воде и тогда *до свидания*.

Вместо этого он приладит поперёк проруби обе лыжи и обопрётся на них.

Вот так, чтобы большая часть тела осталась на крепком льду. Теперь пусть Ром перехватится за его шею.

Да, сначала левой рукой. Теперь правую; *давай же, снимай, не бойся, уже можно убирать.* Пусть только не боится; если упрётся, пропадем оба.

Я с тобой, приятель, смотри на меня.

Погрузив обе руки по локти в воду, Джи почувствовал, наконец, тепло. Оно быстро распространялось по одежде, пощипывая кожу, а когда добралось до подмышек, разом обернулось холодом. Но это было ничего, гораздо важнее, что он почувствовал вес братова тельца. Ему бы есть побольше с

таким щедушным тельцем. *Но как бы он его тогда вытаскивал?* И следом мысль поплоче, которую сразу гнать, гнать: *и почему я должен его всегда вытаскивать?*

Джи представил лицо матери, выговаривавшей ему за такие вопросы.

Она положила его спиной на себя и сама улеглась на спину. Стало тепло и сонно. Потом дернулась всем телом, но почему-то прикрикнула на него: *не толкайся!* Он и не думал толкаться, а она снова за своё: *не толкайся!* Да он и сам не прочь передохнуть, чего ради он будет толкаться? И лег пластом. Ухо высвободилось, и вроде как стало слышнее. А она снова в крик, но уже голосом Джи и, главное, всё наоборот: *толкайся; толкайся, я один не смогу!*

Куинджи ревел в голос и сквозь слёзы просил.

Только тогда Ром послушался и заработал красными от лыж ногами.

И вместе они отползли подальше от треклятой промоины.

1. Рихтер встречает пленных

#1

В первых числах апреля Рихтер проснулся от холода.

Высунул нос из-под зимней куртки. Его припухлая физиономия хранила единственный след тепла в стылой комнате. Розовощекая, с отпечатавшейся наискосок курточной молнией, она походила на лицо безмятежного школяра, отошедшего от здорового сна. И первым делом она повернулась к кровати в противоположном углу.

Мать боялась спать *увязанной в тюк*. Поэтому единственный спальный мешок достался Рихтеру. Зато накрывалась всеми имевшимися одеялами. И не скажешь, есть ли кто живой под завалами.

Вот, вроде пошевелилась. Опять проспала.

Рихтер расстегнул сбоку молнию и вылез в комнату.

Как будто высадился на другой планете и стащил скафандр.

Небольшой зал, в котором из мебели – две кровати да обеденный стол посередине. А вещи – всё, что успели схватить при эвакуации, – лежали в баулах вдоль голых стен.

Ежась от холода и пытаясь влезть трясущимися ногами в штаны, Рихтер припомнил обои в своей старой комнате. Терпеть их не мог: розовые, голубые и желтые медвежата скла-

бились одинаковыми улыбками со стен. Краска на бумаге по-выцвела, и медведи как будто винули в этом того, прошлого Рихтера, который ткнул в них пальцем в строительном магазине. Теперь, в свои одиннадцать, Рихтер был осторожнее в симпатиях. И немного скучал по медвежатам; по розовому, голубому и жёлтому теплу, которое они излучали.

Он выгребал из печки золу. Решетчатый настил покоробился, и кочерга всюду цеплялась, билась о чугунную дверцу.

Мать не просыпалась. А Рихтер не таился. Он не был злым и очень её любил. Но не мог заставить себя орудовать потише.

Огонь быстро взялся. Вспыхнули заготовленные щепки. Сверху он аккуратно уложил пару поленьев. Накануне удалось выручить три вязанки со старых материних серёг.

Пропажи она всё равно не заметит.

Вот если Рихтер продаст кольцо, ему несдобровать.

Он с грустью припомнил, что, когда открывал шкатулку последний раз, там как раз и оставалось одно кольцо.

Пока разгорались дрова, Рихтер вскипятил кружку воды и добавил заварки. Древесная пыль, которой только и хватало – подкрасить воду. Принес миску пшенной каши, заваренной на воде, и поставил на огонь. Не каша, а пшенный суп – три четверти воды.

Развернул стул лицом к материнной кровати и уселся кушать.

Каша парила и согревала лицо.

Стоило бы поспешить. Но ему хотелось побыть хоть немного рядом. Согреться наперед.

Ответственность взяла вверх. Если он не выйдет сегодня за неё, у них будут проблемы.

Сын оперся на кровать, склонился ниже. Одеяла показались холодными наощупь. Мать вздрогнула во сне и перевернулась с боку на бок. На Рихтера повеяло теплом от её дыхания. Захотелось лечь рядом, закутаться в одеяла и не вылезать до окончания времён.

Вместо этого поправил край одеяла. И заметил желтоватый конверт, торчащий из-под подушки.

Он знал, что это за конверт. Но никогда не держал его в руках.

А теперь в бесконечной вселенной словно шелкнуло где-то. Как будто сошлась в этом миге чья-то большая задумка. Рихтер понял, что не уйдет просто так. Не в его силах сопротивляться Вселенной.

Цапнул конверт молниеносно. И неожиданно для самого себя.

Вскрыть бы прямо здесь и сейчас, но он поборол себя. Закутавшись в телогрейку, он вышел вон из квартиры.

#2

Как назло, в противоположном углу двора распахнулась дверь подъезда, и показалось лицо Куинджи, завязанное в шапку-ушанку.

Рихтер переводил дух, опершись на черенок лопаты.

Джи тоже его заприметил и поднял руку. Но не донесся и до подбородка, опустил. Словно силы экономил.

Согнулся под ветром и двинул прочь.

Рихтер вернулся к работе, то и дело возвращаясь мыслями к конверту, который жег изнутри карман. И как только мальчишка оказывался чересчур близко, он ужасался и надавал темпа.

Так что к полудню на асфальте не осталось ни снега, ни вышедшего с ним на бой мальчишки.

Ноги прилично потаскали его по городу под приглядом вездесущего Караульного. Он как вновь открытое созвездие отпечатывался на верхушке неба и сулил то многие печали, то многие радости.

На сегодня Рихтер обрел талисман.

Волшебный конверт, как и все волшебные предметы, был ой как не прост. О волшебстве одновременно и мечтаешь и в тайне боишься до дрожи, как бы чего не вышло. И Рихтер выгуливал, вынашивал нужное настроение, оставаясь наедине с городом.

Когда пришли вести об отце, Рихтер видеть его не мог. Исхоженный вдоль и поперек, теперь он казался хмурым и незнакомым.

Мальчишка понял, что город-то и раньше склонялся не перед ним. Не перед ним разбегались улицы и становились шире проспекты. Не его город считал своим. А того, чью руку мальчик испуганно стискивал.

Он поднимал взгляд и видел голову отца в облаках вровень с крышами домов. И тотчас крыши становились впору и ему – малюсенькому ещё тогда пацаненку.

Или это отец слишком высоко подбрасывал его над чугунными люками

Теперь чувства вернулись. Ласковая рука протянулась и с мягкостью поддерживала у груди.

Незнакомые черты города и ощущение посторонности никуда не делись. Рихтер смотрел на регулировщиков, тяжелых армейских грузовиков, проносящихся мимо джипов с мордатými гаубицами на прицепе. Но смотрел без прошлого страха – как на временщиков. Навроде строительного леса, что опоясывает стены дома. Стоит смириться с его долговечностью, а уже разбирают его. И стены становятся свежеевыкрашенными: не всегда красивыми и родными, но всегда свежеевыкрашенными.

В подтверждение мыслей картинка рванулась вперед.

Незыблемые люди и машины оказались пылью перекатной.

Народ повалил нескончаемым потоком. Хотя мгновением раньше улица казалась брошенной.

Рихтер устремился следом, с каждым шагом понимая, что не сможет отвернуть в сторону. Что-то значительное ожидало впереди, отчего лица людей искривлялись и обращались застывшими масками.

Они столпились там, где дорога взбиралась на круглый холм и сразу опадала затяжным спуском. Внизу проходила городская черта с перечеркнутым дорожным знаком. Злые языки шутили, что так город отталкивает чужаков. *Скатертью дорожка*

Случилось наоборот.

Дорога хорошо проглядывалась. Виднелась процессия, как раз взявшая середину дистанции. Единым строем шагали навстречу горожанам солдаты.

У Рихтера дрогнуло всё внутри. И люди заахали, заохали. Но видя то там, то тут вооруженных людей, которые без всякого удивления наблюдали за открывшейся сценой, успокаивались и выжидали.

Отряд приблизился еще на четверть. Солдаты шли в строю, но вместе с тем не стройно. Процессия оказалась довольно жалкой на вид.

Да ещё кто-то особенно наблюдательный крикнул чуть ранее:

– Вроде не наши.

Люди вздохнули единым порывом. Похожие на пружинные фигурки. Под действием страха, незнания, даже ветра (и бог знает, чего еще) люди накренились и всматривались; готовились сорваться прочь и действовать. Без затеи и всякого толка.

Тот же кликуша вернул всем присутствие духа с той же резкостью, с какой и отнял минутой ранее.

– Идут безоружные.

Ещё больший шум-гам.

Ба! безоружные солдаты – да с чего бы это.

Страх отодвинулся, спуская с цепей незнание, неопределенность.

Люди встряхивали плечами, кое-где раздавались смешки. Хлопали по плечам.

Чуть разглядев новые детали, народ спешил поделиться находками.

В голове и хвосте шеренги суетились автоматчики. От снега расчистили только узкую полосу посередине дороги, поэтому конвоиры не могли двигаться по бокам. А вытягивали шеи спереди и сзади.

В город едва слышно притопала война.

#3

Когда она придвинулась до пары сот метров и люди взгля-

нули в её усталые с дороги лица, на холме угнездилась тишина.

Потребовалось время, чтобы усвоить ее дьявольский лик.

Словно издеваясь, она навела морок на всех людей махом и предстала такими же точно лицами, как и у них.

Разве что прибывшие маски выражали другие эмоции: повинность, безропотность, страх. И потому не решались подняться и уставиться во встретившее их удивление, испуг. И проступавшую из глубины насмешку.

Волшебный конверт так и жегся на груди, не давая Рихтеру сойти с места. Он знал, что волшебная сила не пускает и всех собравшихся.

Перед ними стоял не враг

Поздней осенью, когда случился котёл, мать не знала, куда деться. Уходила с утра из дома и до самого вечера простаивала в очередях, чтобы получить хотя бы толику надежды до вечера и на завтрашний день.

Однажды над ней сжалились и вручили этот самый конверт.

Ваш муж, – говорилось внутри него, – был настоящим храбрецом. Да, кажется, из тех, что остаются верными воинской присяге до самой последней минуты. А ещё с прискорбием сообщаем, что он геройски погиб, выполняя свой долг.

Рихтер запомнил так.

Мать пришла раньше обычного и положила конверт на стол. Мало, что произнесла связанного. И читая – а читала, отчего-то, стоя – сотрясалась всем телом, как готовая опрокинуться башня.

И опрокинулась.

Только не телом, а непослушными губами и языком, которые коверкали слова и оттеняли смысл. И всё равно она заплакала, когда услышала собственный голос, говорящий то ли *с прискорбием*, то ли *с соболезованием*. И так горько, что Рихтер хотел тотчас выбежать из квартиры. Но не мог бросить матери; подвёл к кровати и посадил, зная, что нельзя ей стоять на ногах.

Не смогла она и сидеть. Улеглась на простыни и отвернулась поскорее к стенке. Больше ни звука не издав за оставшийся световой день. Зато к ночи очнулась и тихонько плакала, кусая пальцы и ставшую пергаментной кожу.

Перед ними стояли такие же пленные, каким, возможно, стоял сейчас перед другими горожанами отец. Не зная, куда деть глаза и руки, они подсчитывали хлопья снега, упавшие на мостовую. Единицы не скрывали глаз и находили в себе силы смотреть. Прямо перед собой.

Им ещё больше достанется.

#4

Подгоняемые офицерами набежали солдаты. Рассредото-

чились и стали теснить людей, крича перед собой
дорогу, дайте дорогу, освободите дорогу

С рвением распахивали людей прикладами по местам. Те то ли не понимали, чего от них хотят; то ли, наоборот, понимали и потому не хотели выстраиваться. Их тягали за шиворот и затискивали в строй. Особо упрямые наблюдали поднятый к небу приклад и становились поговорчивее.

Горожан развели в две шеренги. Лицом к ним встали солдаты, держа на вытянутых руках автоматы наподобие заграждения. А сами конвойные тарасились назад, повернув любопытные головы.

Скомандовали
ходу, ходу, братцы

и в голове колонны случился затор. Задние, те, что оказались сокрыты за спинами и плечами товарищей, наступали на передних. Хотели, чтобы представление поскорее закончилось.

А передние, видя раскаленные до бледного огня лица горожан, сбивали шаг и сопротивлялись движению.

Улица, заполненная скандирующими и улюлюкающими людьми, напоминала голодное чрево, в которое им предстояло по собственной воле вступить. А разведенная по сторонам толпа казалась раздвоенным языком, что шипел и подступался громогласным шепелявым эхом. Чтобы слизнуть заплутавших людей с тарелки апрельского дня.

Минул первый год.

И пленным предстояло узнать, как он закончится для них.

Рихтер пробирался поодаль за спинами хохотавших людей.

Первая волна страха и оцепенения спала. Женщины выскакивали из заграждения и кричали. Лица кривились, приобретая наконец живую мимику; голоса срывались и обращались птичьим криком, а потом – заливистым хохотом.

В колонну летели снежки и куски льда. Все хохотали. И больше всех – пленные. От боли и унижения по щекам текли слёзы, но они с благодарностью принимали женские выкрики. Только втягивали головы пониже в плечи.

Даже Рихтер, кажется, понял это чудовищное людское единение. Ему помогал увидеть и понять волшебный конверт, который вибрировал вслед за часто бьющимся сердцем.

Парень пробирался вперёд и видел, как мало-помалу затихает гнев. Люди вдоволь потешились. Их снова звали на-сущные дела.

Одни мальчишки неутомимо бежали следом. Их не уловить никаким оцеплениям и барьерам.

Мальчишки хохотали совсем по-иному. В их голосах не слышалось нутряной песни, что сходила вместе с паром с губ взрослых.

Дети швырялись кусками снега и льда, и летящие в солдат

снаряды покрывали дорогу. Пленные хрустели, наступая сапогами и ботинками на лёд. Когда удавалось попасть кому-то в голову, дети еще громче хохотали и наперебой хвалили снайпера. Особый шик – сбить шапку. Задние ряды пленных напирали, – невозможно подобрать. Чёрная ткань, пока летела, распахивалась, обращаясь лыжной маской. И смеялась прорезьями глаз.

Рихтер видел, как в одного и того же попали дважды подряд. Мастерски брошенный снежок сбил шапку, а прилетевший следом кусок льда ударил наискось по голове, рассекая кожу. На виске выступила кровь, а мужчина только закивал болванчиком, поощряя детишек в их правоте.

Но потихоньку и детская энергия рассеивалась. Мальчишки останавливались на тротуаре и провожали колонну взглядами. Смеялись над особенно жалкими. Не со зла, а скорее следуя инерции, накопленной в легких. Но к выдоху затухали и они; сходили со сцены вон.

Лишь несколько заполошных бежали и бежали.

Рихтер припустил следом, не зная толком, зачем.

Не мог противиться волшебному конверту и потому нагонял ребят.

– Прекратите! – кричал он.

Один из мальчишек показался знакомым. Да, они часто встречались в очереди за пайком “по утере кормильца”. Теперь обычно слезливый и тихий паренёк вдруг ошетинился

и без страха глядел на здоровяка-Рихтера, который был на полторы головы выше, а телом походил на четырнадцатилетнего. Его скулы закаменели; казалось, губы сейчас приоткроются, и он зарычит на Рихтера дворовым псом.

Мои кости

Пока преграждал путь, остальные продолжали обстрел. Рихтер понял, – сами они не остановятся, – и сделал решительный шаг вперед. Грозный мальчишка и сейчас не сдвинулся с места, а когда Рихтер подошёл вплотную, с силой толкнул его обеими руками в грудь.

Рихтер как будто и не заметил его усилия. Наоборот, – это мальчишка проехался ногами по скисшему снегу.

Но тщедушный толчок, не приведя ни к чему вне, отбросил Рихтера изнутри, так что тот остановился. Волшебный конверт совершенно затих. И Рихтер сквозь подступившие от обиды слёзы увидел, как бросившие добычу мальчишки побежали на крик. И не говоря ни слова разом накинлись на него.

Пришёл черед и телу опрокинуться навзничь. Мальчишки не собирались останавливаться и размахивали руками и ногами без разбора.

Откуда-то выскочил Куинджи и принялся отталкивать особенно ретивых. К Жи присоединился и тот, первый мальчишка из очереди за бесплатным супом.

Но как только отогнали негодующую стайку, снова бросился следом, стремясь урвать свой кусок.

2. Хармса отвлекают от чтения

#1

В тот же день Хармс почти бежал из продмага с авоськой наперевес.

Во-первых, среди хлеба, кефира, творога и масла, завернутого в вощеную бумагу, нашлось место для плитки шоколада. Продукты он получил по отцовской карточке, а шоколадом угостила разговорчивая продавщица. Хармс помог ей перетаскать коробки питьевой воды.

Во-вторых, Хармс успел сделать уроки. Мама обещала не приставать с делами по дому, так что он чувствовал, как воздух наливается свободой. Но только в отличие от свободы других мальчишек, Хармсова витала вокруг чтения.

Когда открывал подъездную дверь, он уже смаковал в мечтах, как усядется в любимом углу с книжкой в руках. Отсчитывая ногами ступени, он не сдвинулся мыслями ни на шаг от кресла и книги. Как не сошел с места, и отворяя замок.

Но открыв, остановился как вкопанный.

В коридоре стоял отец, одетый в любимый костюм. Если Иоф собирался с официальным визитом, костюм всегда был на нем. А Хармс по этой примете точно знал, что как минимум до вечера отца не увидит.

Отец поприветствовал сына кивком головы. Хармс отве-

тил вслух, но от смущения перестарался и придал слову чуть возвышенную интонацию. Вышло что-то тяжеловесное, похожее больше на *приветствую*. Отец улыбнулся, как будто чего-то такого и ожидал.

– Хорошо, что пришел. – сказал он. – Я всё равно собирался тебя дождаться. Мама сказала, скоро будешь.

Хармс проследил взглядом по коридору до поворота в зал. Словно рассчитывал, что она выйдет оттуда с книгой в руке

Ничего подобного, дорогой, Хармса не будет как минимум до пяти

Мать не вышла. Зато посматривал на часы отец. В свете единственной лампочки он походил на хищную птицу. Короткие седые волосы подчеркивали остро выведенный нос. Он протирал очки и поглядывал на сына, ожидая реакции.

– Думал остаться сегодня дома, – решил Хармс.

Не знал, чего от него хотят, поэтому перестраховывался.

Очки так и вертелись в отцовских руках. А тут, услышав голос сына, он очнулся и нацепил их, одновременно поднимая голову. Изменение разительное. Прямоугольные линзы разгладили черты, и отец предстал таким, каким и должен быть: уже не молодым, но всё ещё невероятно сильным. Человеком из прежней жизни.

У Хармса что-то зашевелилось внутри. Отец, по-видимому, это прочувствовал, сказал:

– Сегодня важный день для города, и я хочу, чтобы ты был рядом.

Хармс вздохнул. Каждый глоток воздуха шел за два, распирая грудь. Разве что из любопытства мальчишка спросил:

– Переодеться или можно так?

Отец запахивал шинель. Мимолетом обернулся, окинул сына взглядом и ответил:

– Да, так сойдет. Ты не видел мою шляпу?

Хармс не без удовольствия подал отцу головной убор, за что был вознагражден хлопком по спине.

А следом захлопнулась за ними дверь.

На шум вышла в коридор мать Хармса. Но никого уже не застала.

#2

У подъезда ждала машина. Они влезли на заднее сидение, и Иоф назвал адрес. Машина тронулась, и отец впал в обычную задумчивость.

Хармс в такие минуты не мог вытерпеть тишины. Он попытался завести беседу, но ему быстро наскучили односложные ответы. А заговорить с водителем в сияющей форме мальчишка не решился.

Иоф попросил его свернуть с улицы.

– Дальше мы пройдемся, – хлопнул он водителя по плечу.

Оказавшись на открытом пространстве, отец быстро зашагал по тротуару. Хармс припустил следом, едва поспевая в шаг.

Отец взглянул на небо и заметил:

– Прохладно сегодня.

И, повернув взгляд к сыну, добавил:

– Тебе бы теплее одеться. Дома ещё не скоро окажемся.

Хармс не ответил. От быстрой ходьбы под пальто стало жарко, а ноги холодило на ветру после прогретой машины.

Они вернулись на улицу и двинули по тротуару.

Улица казалась вымершей. Походившая в мирные дни на тесный переулок, теперь обрела масштабы проспекта. Но вопреки ощущению свободы и пространства, отец с сыном жалась ближе к домам. Их сопровождал только хруст снега под отцовскими ботинками и сапогами Хармса.

В тишине их окликнули из двора. Звук получился резким, и Хармс вздрогнул от неожиданности. Отец этого даже не заметил и свернул в подворотню, где стоял офицер в парадной шинели и меховой шапке. Он взмахнул кожаной перчаткой, приглашая их подойти. Когда сошлись, офицер отдал честь, но без лишнего пыла. Отец, хоть и занимал высокий пост главы городского совета, оставался гражданским. А сейчас шла война, и любой офицер мнил своего начальника – коменданта города – чуть ли не мессией, последней надеждой.

Офицер предложил пройти к остальным и указал на запахнутую за спиной калитку.

В центре двора на постаменте высился бюст с кустистой мраморной бородой и взирал на столпившихся мужчин. Судя по мелькавшим звёздам, – всё военное руководство.

Только Хармс никого уже не замечал, разглядев в толпе

Ньюта.

Одетый точно также, как другие офицеры, комендант разительно отличался от них. Мальчишке показалось, что мех на его ушанке лоснится чуть ярче на первом весеннем солнце. А когда он приветствовал отца и приложил ладонь к виску, его перчатка скрипнула с каким-то особенным – гражданским – шиком.

А знаменитые погоны с тремя звездочками!

Ньюта назначили комендантом в чине полковника. Неслыханно! Среди собравшихся мелькали звания и повышения.

Отсюда же – его внешность и повадки.

Хармс хорошо запомнил первую встречу.

В последней четверти их школе выпала честь приветствовать нового коменданта.

Школьники сидели в актовом зале аккуратными рядками.

Хармса облачили в новенький костюм, а он не находил себе места и порывался слинять.

На сцену вошел человек в военной форме.

Военные в городе пока еще были в редкость. Фронт пролегал вдалеке, ближе к нему помещался и генеральный штаб. Но после неудавшегося прорыва будущего коменданта отозвали в город. А вместе с ним прибыла целая делегация офицеров.

Они так равномерно распределились, что редко удавалось увидеть на улицах хоть одного. Предпочитали не мелькать без особой необходимости.

Поэтому Хармс к форме так и не привык. Однако, воспитанный на книгах о прошлой войне, заочно представлял офицера как пример мужества и доблести. Нет, не пример – *гору* мужества и доблести.

Взошедший на сцену оказался совсем не такой. Несмотря на красивую форму, держался по-простому. И росточком до горы не дотягивал. Но это был *он*.

Там сидели ребята классом помладше. Ньют пересёк сцену несколькими шагами и стал с улыбкой пожимать ребятам руки, придерживая за плечо. Не рисовался, не махал руками, не отдавал понарошку честь. А подойдя к крайнему мальчишке, и вовсе со смехом обнял, расцеловав три раза в щеки.

И теперь тот же паренек выскользнул из-за офицерских спин и встал рядом.

– Помните моего сына, Грина? – спросил комендант.

Малый с нахальным видом улыбался и протягивал Хармсу руку.

Иоф неожиданно перехватил ладонь и стиснул её в приветствии. Грин смешался, а Хармс не без удовольствия отметил, как на мгновение обнажилось на нём лицо обыкновенного городского пацаненка.

Отец предоставил их друг другу, а сам повёл Ньюта в сто-

ронку. Лишив Хармса возможности пожать руку полковника и, заодно, сделав неизбежным рукопожатие с Грином.

Но к счастью, тот улизнул слоняться по двору.

Он бы одет в пальто с меховым отворотом и шапку-петушок. Неудивительно, что не устоял на месте. Хармс живо представил, как ему холодно. Потому что сам был одет ничуть не теплее.

Так что и Хармс двинул следом, отпечатывая собственные подошвы поверх Гриновых.

На одном из неспешных витков ребята, не сговариваясь, оказались возле отцов.

– И думать забудьте, – возражал Ньют. – Это в первую очередь люди. Разместим и обеспечим топливом, чтобы не замерзли. А потом подыщем помещение.

Когда комендант договорил, Грин махнул головой. Выглядело так, будто это их общее решение, и он полностью согласен со сказанным. Хармсу тоже хотелось поверить красивым словам. Но из-за нахальной морды Грина одновременно потянуло возразить, спорить. Утереть нос паршивцу.

– Я за гуманизм, – спас положение отец, – но наши люди мебель жгут, потому что топлива нет. Да, весна. По прогнозам снег сойдет через полмесяца. Но будет ли теплым май – вопрос. А вот, что можно гарантировать: пленные пожгут такое количество торфа, угля и дров, какое горожане нам не простят. Хотя тоже, небось, гуманисты.

Теперь пришел черед Хармса поднимать для Грина брови:

понял?

Но даже тогда он всё ещё видел, как хорош Ньют; с каким жаром защищает людей.

– Иоф, – говорил он, – не хочется напоминать, но идет война. А в условиях военного времени нужды военных первостепенны. Я комендант города. Если я считаю, что пленные должны содержаться в человеческих условиях, а не подыхать как скотина, то вам не философствовать нужно, а дрова искать. Раз уж в вашем ведении вопросы гражданско-го толка.

Договорив, он отвернулся, оставляя последнее слово за собой.

Иоф хмуро взирал из-под полей шляпы. Но не решался перейти в наступление, пока тут ошивались дети.

Хармс поймал на себе его взгляд, полный досады. И не выдержал. Втянул голову в плечи, готовый двинуться прочь.

Его оборвал на полушаге посыльный. Взволнованным голосом он сообщил: *ведут!*

#3

Вчерашние завоеватели оказались жалким зрелищем.

Избитые, грязные, в усмерть перепуганные.

Когда их выстроили перед офицерами, контраст уж слишком бросался в глаза. Так, что их убогость падала тенью и на коменданта.

Отец смотрел на Ньюта и улыбался, видя, как его триумф

разбивается вдребезги.

Что, не могли подыскать пленных посолднее? – ёрничал Хармс вслед за невысказанными мыслями отца.

После церемонии офицеры бестолково сгрудились, не зная, что делать дальше.

Иоф приблизился к Ньюту и попросил не уходить.

Что-то задумал

На дороге показался армейский вездеход. Офицеры встрепенулись и стали переглядываться.

Никто ничего не понимал.

Иоф шагнул вперед и успокоил собравшихся.

– Это машина сопровождения, – сказал он. – Я попросил их задержаться, чтобы избежать суеты.

Хармс заметил взгляд Ньюта в сторону отца. Коменданту пришлось не по нраву, что штатский выкинул что-то, не посоветовавшись.

Но отец поспешил успокоить:

– Для вас встреча будет особенной

И добавил с нажимом:

– ..., комендант.

Когда автомобиль приблизился на достаточное расстояние, лицо Ньюта поменялось.

В машине беззаботно беседовали двое. Говорил солдат за рулем, а второй – слушал и улыбался. Но Хармс не поверил его улыбке. Она не помешала ему тоже увидеть Ньюта.

Их взгляды соединились и более не теряли связи. Ньюту распахнутыми глазами тянул вездеход как на лебедке; а тот, второй, не отрывался от Ньюта и давно выпал из смешливого разговора, хоть и поддерживал его уголками губ.

Машина остановилась.

Водитель выскочил и встал навытяжку, отдавая честь старшим по званию. Но взгляды были прикованы к вышедшему из пассажирской двери.

Чертами лица он походил на Ньюта. Но в отличии от свежего полковника, кожа незнакомца обладала таким оттенком, будто он не из машины вышел, а из эпицентра пыльной бури. Будучи младше большинства присутствовавших – что-то по-молодому неотесанное таилось в глубине его взгляда – лицом он выглядел старше любого. На добрую голову выше коренастых офицеров, как специально подобранных Ньюту под статью, он кривился на правый бок и казался со всеми вровень. И шел странно, словно не был уверен в каждом шаге. И поворачивался назад к машине, чтобы в случае чего дернуть обратно.

Но вот подошел вплотную, и Хармс, невольно укrywшийся за чужими спинами, с опозданием разгадал пришельца. Никуда он не оборачивался и никуда не клонился. Правый рукав солдатской телогрейки он заткнул за пояс. Хармс подумал *зачем носить так странно*, но по взглядам взрослых, которые, лишь скользнув по пустынному боку, спотыкались и отскакивали прочь, о чем-то догадался с детской смутно-

стью.

Ньюту, кажется, пришлось тяжелее всех. Перед ним стоял брат, которого он успел причислить к мертвым. Как бы взгляд ни петлял, Ньют не имел морального права отвести глаза, наполнявшиеся слезами.

– Копер! – выкрикнул он имя брата.

Сделал два быстрых шага вперед и заключил его в объятья, положив подбородок на знакомое плечо, превратившееся в обрубок.

Здоровая левая рука Копера взметнулась, было, к затылку коменданта, но остановилась и хлопнула по спине. Чуть сильнее положенного. Стала гладить. Как будто Ньют нуждался в успокоении.

Комендантом владели противоречивые чувства. И единственной точкой их приложения стал Иоф. На него с неммым вопросом смотрел в ту минуту полковник. И туда же устремился глазами Хармс.

Иоф стоял чуть в стороне и улыбался. Со стороны могло показаться, что он радуется воссоединению братьев.

Но Хармс подумал: *а ведь отец никогда не был сентиментальным.*

3. Грина выставляют вон

#1

Всю обратную дорогу Грин расспрашивал дядю о его злоключениях. Копер отвечал охотно, но при этом темнил. Уводил рассказ в сторону таких малозначительных деталей, что постепенно обесценивал и своё в них участие.

Но даже обесцененные, дядины подвиги манили Грина в поход, к приключениям.

Они поднимались вслед за отцом по лестнице, Грин всё тараторил, слова отскакивали от стен и единственные наполняли подъездный полумрак.

Дядя молчал и загадочно улыбался.

Отец не улыбался, а молчал гнетуще.

Троица переступила порог квартиры. Снова был черёд дяди отвечать на расспросы. Грин с нетерпением ждал. Копер упрямо водил племянника круглым путем. А его старший брат застыл на месте всё с той же неулыбкой на лице.

Копер склонился над ботинками в попытке развязать шнурки. Потерял равновесие и со стуком поймал, прислонясь лбом к стене. Ничего не выходило, а Грин был слишком занят борьбой с пуговицами на пальто и словоохотливым языком.

Перед братом сел на корточки Ньют и завозился с узлами.

Копер сразу прочувствовал его настроение. Растерял веселость и продолжал рассказ скорее по инерции. Чтобы у слушателей не возникало вопросов.

Но тема *уже* исчерпалась, потому что Ньют вдруг обратился, не поднимая головы:

– Я очень рад, что ты вернулся, Копер, – сказал он.

От его голоса в прихожей стало прохладнее.

Грин с интересом повернулся.

– Тут многое изменилось, – продолжал отец, – так что давай оставим старые претензии в прошлом. Мы уже не дети, чтобы подначивать друг друга как раньше. Особенно на публике.

Мальчишка никогда не слышал этой истории. И поэтому наострил уши, надеясь узнать, что же там произошло.

– Горожане ждут от меня защиты, – в голосе отца прозвучала досада, – я давно не принадлежу сам себе. Я и им принадлежу тоже.

Он отвернулся. Казалось, комендант уговаривает сам себя.

Но Копер не дал ему ускользнуть.

– Иоф не предупреждал, как высоко ты взлетел.

Дядя подтянул ногу, и отцу пришлось отодвинуться. Он поднялся и встал рядом. Молча смотрел, как постукивая пяткой, брат стаскивает развязанный ботинок.

– Вы неплохо тут спелись, да?

Грин увидел на лице дяди улыбку. У отца еще оставалась

возможность уйти от разговора бескровно. Но он как будто не заметил вопроса.

– А я не знал, что ты жив. Этот... – он осекся, разглядев у дверей сына, – Иоф не сообщил мне.

Затем поспешно добавил, словно сказанное ранее ни на что и не влияло:

– Не важно. Это не позволяет тебе

– Ах, не позволяет?

Копер резко вскочил на ноги. Он схватился за пустой рукав и выдернул из-за пояса. Ткань закачалась как кусок бечевки.

– А, по-моему, я уже отработал издержки, – сказал он.

Сиюминутная вспышка, и тут же лицо разгладилось. Грин и не помнил, чтобы дядя злился дольше.

Изуродованным плечом он съехал вниз по стене и взялся за второй ботинок. Шнурки так и не давались. И в этот раз никто не спешил помочь. Копер попытался сладить с завязками, а потом с досады дернул за петлю, превратив в сложный узел.

Полковник остановился поодаль, переваривая сказанное.

Его глаза так и сверкали в полумраке, но больше он не наседали. И даже попытался подать напоследок руку.

– Если хочешь что-то сказать, говори сейчас, – предложил он.

Дядя расслабил петли на берце и стащил его с ноги, оставив узел на месте.

Вместо ответа он прошел прямо в телогрейке мимо ожидающего ответа брата. Только спросил со смешком:

– Где можно расквартироваться, товарищ полковник?

Грин видел оба поразительно похожих лица. Похожих как раз и упрямством.

Отец почувствовал его взгляд.

– Покажешь?

Он бросил взгляд на Грина.

И какой же усталый это был взгляд

#2

Большую часть времени дядя просиживал за запертыми дверьми. Мальчишке мало что удавалось вытянуть из него.

Они вместе завтракали, и Грин знал: как только дядя доест, он встанет из-за стола и снова запрется в комнате.

Мальчишка пытался за это короткое время вызнать как можно больше. А вскоре заметил, что хитрый дядька не просто уводит разговор в сторону. Он начинает расспрашивать в ответ.

Грину быстро наскучили разговоры, похожие на перестук мяча. И он понемногу отстал от калеки, восприняв тонкий намек.

Отныне Копер завтракал один. Лишь перекидывался парой фраз с проходящими мимо родителями. С матерью улыбался (что раздражало Грина не меньше); с братом – короткая пикировка и развод по углам.

Грин соглашался с отцом: дядя выглядел на кухне чересчур надменно в своём одиночестве. Но сердобольная мать внушила сыну чувство опеки.

Оно преследовало Грина, и мальчишка отчего-то чувствовал себя ответственным за судьбу калеки-дяди.

И тем пакостнее становилось внутри. А переломить ни себя, ни Копера он, конечно, не мог.

Поэтому в один из следующих дней ходил раздраженный. В доме бушевала гроза. Спозаранку мужчины особенно тесно сошлись, и искорки утренней сшибки разлетелись по квартире.

И тлели, тлели, тлели, ожидая нового часа.

Отец нарочно выходил по делам на кухню в надежде встретить брата, но младший хитрил и не показывал носа.

В итоге полковник попросил Грина поинтересоваться, всё ли в порядке у дяди.

С самого его возвращения мальчишка не пересекал порога дядиной комнаты. В глубине души он побаивался затворника.

Но накопленное раздражение требовало выхода. Напускная храбрость отлично подошла.

Грин постучал, но никто не откликнулся. Парень толкнул ручку двери: оказалось незаперто; и он проскользнул внутрь.

Несмотря на дневное время, в комнате стоял полумрак:

шторы задернуты, из освещения только стенная лампа – да и та повернута плафоном к стене.

Копер сидел на кровати. Отсюда было видно только левую руку и спину. Грину сначала показалось, что дядя сидит в какой-то чудной майке в мелкую крапинку. Но приглядевшись, понял: оголенное тело мужчины покрывают мелкие шрамы.

В комнате странно пахло.

Смутная картинка забралась мальчишке в голову.

Он припомнил, как в детстве бабушка повела его на церковную службу. Совсем еще маленький, Грин не многое из неё вынес. Гудение в ногах от стояния на одном месте. Да странный запах, который одновременно просачивался в ноздри: было непонятно, что им пахнет – свечи, поповское кадило или сам священник. И проникал под самую кожу, что, казалось, даже мысли, блуждающие подле усталых ног, пахнут обязательно им же.

Запах в дядиной комнате наследовал тому забытому ощущению. Настолько, что заломило в коленях, и захотелось тотчас присесть.

Дядя сидел неподвижно и, по всей видимости, занимался больной рукой. Грин так и не научился называть его культю по-другому. Здоровый левый локоть ходил по кругу, Копер содрогался всем телом и выгибался, пытаясь нащупать раз и навсегда баланс для своего нового тела.

Грин оказался в полупозиции. Не ясно, что страшнее: продвигаться вперед или быть уличенным в отступлении.

– Дядя Копер, – окликнул он, чтобы избавиться от мук выбора.

Никакого ответа.

Мальчишка сделал шаг, приблизился почти вплотную. И снова позвал.

Дядя расслышал. Здоровая рука остановилась и опала к коленям. Дядя согнулся, буквально повис на собственном хребте. Мальчишка запаниковал и еще больше от этого расхрабрился. Потянулся к дядиному плечу. И ощутил разгоряченное, несмотря на стылую квартиру, тело. Оно казалось маленьким и круглым под детской рукой. Как горячая головешка, из которой пламя выскребло жизненный сок.

Дядя поднял опущенную к подбородку голову.

Дворовый пес, ищущий ласки.

И это короткое движение разозлило мальчишку.

Он не сумел простить дяде его жалкой позы. Словно застал за непристойным занятием. Отвел руку да так и застыл сверху.

Копер, не говоря ни слова, обернулся, и Грин вздохнул.

В ноздри лез поганый запах, и мальчишка выталкивал его легкими из себя.

А получился вздох разочарования.

На него уставился скругленный обрубок с глазком запекшейся крови.

Парень потерял самообладание и отшатнулся. Отступил на пару шагов назад, не помня себя и не зная, куда деться.

Как выпутаться из этой комнаты.

Она сжалась вокруг, чтобы придвинуть носом к оголенной культуре.

Мальчишка попытался объяснить, но изо рта выпадали разрозненные слова – *papa, просил, узнать* – и тут же падали перед ним на пол, никем не услышанные.

Пока в голове не зазвучал дядя:

– Грин, эй, Грин, ты как?

Спокойно, но не успокаивающе.

– Да не бойся ты, сейчас оденусь. Верещишь как девчонка.

Тоже мне – сын полка.

Копер невесело усмехнулся.

Отворилась дверь и в комнату влетел отец.

Видно, Грин, и правда, успел вскрикнуть от неожиданности.

– Что у вас тут происходит? – вопрошал Ньют.

Грин выскользнул из комнаты и с жадностью вдыхал свежесть квартиры. Дверь захлопнулась. Мальчишка расслышал, как отец пеняет младшему брату за шторы, племянника и начатое с утра пораньше.

4. Джи приносит домой известия

#1

Когда Джи увидел пленных, первым делом он подумал о брате.

Ром отлеживался дома. Пик его болезни остался позади, но мальчишка оставался ещё очень слаб.

Куинджи остро чувствовал вину. Как только останавливался, она настигала и грызла. Минуты и часы напролет.

Вид марширующих пленных не оставил никаких сомнений: война пришла по-настоящему. Но вместо того, чтобы самому испугаться, ещё перее Куинджи подумал о том, что из-за него младший брат лежит на койке не в силах пошевелиться.

Поэтому собрав достаточные сведения, он побежал домой поделиться известием с родными.

Открыв дверь квартиры, он притаился в коридоре. Из родительской комнаты доносился смех. Слышался голос Рома, который рассказывал родителям что-то невероятно смешное. Потому что всякий раз, когда он брал паузу, родители начинали хохотать. Особенно, если папа успевал вставить веселый комментарий.

Джи улыбнулся. Пусть он и чувствовал себя немного оторванным, зато с болезнью Рома всё остальное возвращалось

к норме. *С ним или без него*

Он открыл дверь, и три пары глаз одновременно уставились на него. Родители выглядели несколько удивленно. Как будто все и так находились в комнате, а теперь прозвучал звонок, и жильцы без слов спрашивают друг друга: *мы кого-то ждем?*

Зато глаза Рома вспыхнули ярче яркого при виде старшего брата.

– Ты из города? – спросил он с придыханием.

Словно Город – это название их маленького города.

Джи всю дорогу до дома представлял, как ошарашит семейство столь важным посланием. Как они заахают и заохают, а мать обнимет Рома и станет целовать в обросшую голову. Отец примется кружить по комнате, иногда садиться за рабочий стол и что-то наспех чертить, записывать в блокнотах, кумекать. А Джи так и застынет в дверях. Покачает головой из угла в угол комнаты и скажет что-то многозначительное из мира взрослых, вроде *мы из этого выпутаемся, или не все еще потеряно.*

Но вместо стройного рассказа из него градом посыпались отдельные сведения:

– Пленные. Много. Встречали всем городом. Был комендант и куча офицеров.

Отец вскочил с кровати.

Вот оно

Но минуя бесцельные хождения по комнате, отец нахму-

рился и произнес:

– Вот так так. Началось.

Мать посмотрела на Джи. С таким видом, словно не очень-то и поверила его рассказням. А на отца – так и вовсе разозлилась.

– Что началось? – спросила она с раздражением.

Семейная идиллия выветрилась из комнаты. Стоило Джи открыть дверь, как она вся вышла, и семья снова распалась на отдельные кадры. Он размотал их короткую фотопленку и рассматривал в свете окна.

– А ты разве не видишь? – завёлся отец. – Конец всему. Конец разговорам.

– Не пори горячку, – отвечала мать, вкладывая в голос максимум спокойствия. – Давай-ка не будем раньше времени

Отец не слушал. Глаза округлились, хотели разглядеть чуть больше, чем на самом деле вмещает картинка.

– Бессмысленно. Просидел дома просто так. И к чему?

Потом вдруг взглянул на старшего сына.

– Куинджи, – почему-то обратился к нему полным именем, – комендант что-нибудь говорил? Как мы будем защищать город?

Мать шагнула вперед и встала между сыном и мужем, перекрывая обоим линию обзора.

– Не смей отвечать! – зашипела она на Джи.

Потом повернулась к мужу:

– Никаких *мы*. У *тебя* бронь, *ты* нужен городу.

– Ты не понимаешь, – возразил отец.

Прозвучало невыразительно.

Мать, которая десятки раз это уже слышала, зарыдала.

– И не хочу понимать, – выдавила она, отвернувшись. –

Там есть, кому решать. Обойдутся и без нас.

Мать посмотрела на Джи, словно он и был комендантом города.

Это был страшный взгляд. Она подошла на волосок к тому, чтобы обвинить. Но сдержала себя и только разрыдалась.

Казавшаяся секунды назад такой сильной, красивой, теперь она походила на расписную шаль, скользнувшую с плеч. Вот-вот скомкается и растопчется на полу.

Куинджи инстинктивно сделал шаг вперед, но отец его опередил и сам подхватил её. Придерживая и прижимая к груди голову матери, свободной рукой он замахал сыновьям. Без звука показывая губами слоги, велел: *и-ди-те*.

Его взгляд показался сочувствующим. Давал понять, что *мы из этого выпутаемся, что не всё ещё потеряно*.

Когда сыновья протискивались друг за дружкой в двери, мать всё причитала:

– Там есть, кому решать. Обойдутся и без нас.

Обойдутся и без нас

#2

Куинджи бежал со всех ног.

Им овладело желание отыграть разговор назад. Доказать

своим, что он ошибся и всё неправильно понял.

Когда ноги привели его к центральной площади, Куинджи на мгновение решил, что оказался в чужом городе. Настолько неузнаваемым было место.

Посередине, как и раньше, стоял памятник, накрытый просаленным брезентом.

На автомобильном кругу – как раз вокруг него – царило небывалое оживление. Дорога сюда и бежала-то, чтобы добросить до городского вокзала, забрать прибывающих и унести назад в город. Но даже когда поезда еще ходили, такого человеческого наплыва вокзальные стены не видели.

А кроме людей, пять мрачных конструкций заслоняли вид фасада с белоснежными когда-то колоннами и массивными дверьми главного подъезда.

Металлические клетки из сваренных секций ограды. Возле четырех уже выстроились в колонну пленные. Звучали голоса охранки, спешно разбивающие пленных на отряды. А на пятом, как рехнувшиеся пауки, расселись по углам сварщики и довершали монтаж.

Тротуар же на время стал зрительным залом. Площадь превратилась в цирковую арену – в этом безошибочный детский глаз не усомнился. Тротуар отделили заграждением, хмурые замерзшие солдаты стояли с автоматами на перевес. Легконогие мальчишки занимали лучшие места и гроздьями свисали с оград. А подоспевшие следом родители препирались с дежурным офицером, сверявшим пропуска. Люди

расходились вокруг площади. Слышались радостные окрики и приглашения на занятые для своих места.

До города докатилась ярмарка. Чудовищный праздничный балаган.

#3

Измученные пленники получили возможность присесть. Выбирая между холодом и усталостью, люди давали роздых ногам.

Зачарованный их видом, Куинджи пошел вдоль клеток. Пока не оказался у ворот четвертой, – на удивление пустынной. Её жители облепили заднюю стенку, а у калитки вразнобой торчали совсем потерянные лица, смирившиеся с холодом, усталостью и железными прутьями.

Заинтересованный, Джи решился обойти клеть кругом. И у подножия памятника увидел причину столь странного распределения мест.

Там он увидел Хармса, стоявшего перед решеткой, буквально на расстоянии вытянутой руки. Школьный знакомый разговаривал с одним из пленных.

Джи подошел ближе и увидел невысокого человека с забинтованной головой. Пленный просунул лицо между прутьев. То ли рассчитывая просочиться и выпорхнуть на волю, то ли выдумав, что так его лучше видно и слышно.

А следом вытянул руку. Джи инстинктивно съёжился. Он уже представил, как рука перебинтованного хватает Харм-

са за шею и переламывает в мозолистой охапке. *Что твоего курёнка*

Мужчина протянул Хармсу предмет. Похожий отсюда на деревянный свисток или миниатюрную дудочку. Мальчишка смерил вещицу взглядом; залез во внутренний карман пальто и выудил плитку шоколада.

У Куинджи слюнки выступили.

Чего-чего, а увидеть настоящий шоколад он никак здесь не ожидал.

Вот и пленный купился на тот же фокус. Ему бы тарелку гречки напополам с пшеном, а он вцепился взглядом в фольгу и ничего вокруг не замечает.

Хармс отломил полоску и протянул пленному. А сам забрал из его руки свисток.

Счастливец скрылся из виду под восторженные взгляды сокамерников, а к решетке уже протискивался следующий боец со своим бартером.

Хармс с небрежным видом запихал в карман добытую диковину и приготовился оценивать новый лот.

На раскрытой ладони материализовалась самодельная брошка. Симпатичная лисичка, выточенная из дерева. У резчика отыскалось куда больше желания, чем умения. Но и столь кустарно покрашенная, она расцвела рыжим огоньком посреди страшной площади. И едва ли не единственная, была здесь жива.

Солдат выточил брошку для сына или дочери, но не удер-

жался от соблазна сторговать. Только бы предложили достойную плату.

Но каким просительным взглядом на Хармса ни смотри, цена, по всей видимости, едина: полоска шоколада.

Джи тоже взглянул на Хармса.

Приятель смотрелся странно. Испуганный, в одиночку против десятков солдат, и все глаза так и пожирают его. Мальчишке бы тотчас убежать прочь, но он не мог сдвинуться с места. Потому что стоял на стороне победителей. Потому что устал бояться. Потому что странный гипнотизирующий интерес завладел им.

Не нужны и даром ему их вещички.

Так что, – бери или проваливай.

Этот – взял

А глупые остальные – и почему это *они* здесь взрослые? – опять не поняли сути обмена.

Сквозь клетку высунулся очередной меняла. С ухмылкой на лице протянул руку и разжал угловатый кулак. На ладони, как на бархатной подушечке, лежала губная гармошка с никелированными бочками и деревянным механизмом. Настоящее сокровище, не имевшее никакой цены для детского воображения.

И предлагавший обмен это знал.

Смотрел на Хармса, как мог бы смотреть на собственного сына, отстояв для него очередь в музторг.

Пока мальчишка осматривал гармонику, взрослый не сво-

дил с него глаз.

И только глухой щелчок прямо перед носом вернул его на прежнее место.

Это Хармс с теми же безжизненными глазами отломил причитавшуюся за гармошку полосу шоколада.

Лицо пленного скрутило от обиды. Словно отвергли его, а не вещь, предмет. Перекошенный от злости, он придвинулся к решетке, так что стальные жерди вгрызлись в щеки. И одним движением выхватил из рук Хармса всю плитку.

Собирался затеряться среди соседей по клетке, но ему вдогонку полетел властный голос:

– Что здесь происходит?

Пленный застыл на месте.

К сцене спокойным шагом подходил глава городского совета. Даже не взглянул на сына, он сразу обратился взглядом к виновному.

– Отдавайте.

В этом подчеркнутом обращении на *вы* ощущалось больше силы, чем в резиновых дубинках запропастившихся невесть куда охранников.

От глаз Иофа не скрылось и это. Он бросил никуда конкретно, просто в окрестный воздух:

– Я думал, дело охраны не допускать подобных инцидентов.

Запахавшиеся часовые как раз прибыли. И внимательно выслушали нагоняй. Иоф не разделял вражеских пленных и

провинившихся охранников. И те и другие глядели в ответ как нашкодившие дети.

Поняв, что добиться от них ничего не удастся, он сам приблизился вплотную к клетке.

– Вы, – обратился он к воришке. – Отдайте, что взяли.

Солдатик, уже и позабывший о чувстве справедливости, остановился как изваяние на полушаге. Между ним и грозным человеком в штатском оказалась одна хлипенькая решетка. Остальные пленные предпочли укрыться.

– Мы обменялись, – отвечивал он за всех. Одновременно и робко, и поспешно.

Не хватало еще промедлить с ответом

Иоф поманил пальцем, и пленный пододвинулся вплотную.

Взрослый мужчина в расцвете сил, на голову выше седовласого Иофа. Всея его воли хватило только запрятать добычу у левого бока.

– Послушайте

Иоф снял очки, словно не хотел, чтобы между ними оставались недомолвки. Даже улыбнулся, чтобы приободрить бедолагу. Но вместе с тем оставался непреклонен:

– Мы оба знаем, что *вы* обокрали этого мальчишку. – Он кивнул в сторону сына. – Отдайте по-хорошему что забрали.

Хармс позвал:

– Пап

Никакого дела до него.

– Мы обменялись, – также робко, как минутами ранее пленный.

Тот закивал, переводя взгляд от сына к отцу, и улыбался зубами. Сам вслед за ними поверил, что не лжет, что обмен состоялся.

– Мне нужно самому к вам зайти?

Иоф убрал очки за пазуху, и в движении этом притаилась угроза. Стоит завершиться движению, как мужчина накинется на оппонента.

Вместо этого – выкрик:

– Ну же!

Солдатёнок втянул голову в плечи. Как под бомбежку по-пал.

– Я-не-буду-повторять-дважды.

Дополняя сходство с налётом, Иоф с присвистом чеканил слова, не разжимая челюстей. А в конце вздохнул, будто совладав с собой в последний момент, и сообщил:

– Клянусь, если сейчас же не отдадите, я зайду в клетку и заберу это силой.

Солдат, всё ещё ожидая затрешины, стал разворачиваться, чтобы отдать шоколад свихнувшемуся штатскому. Всё, что потребуется, лишь бы затеряться в толпе, согнуть от гневных глаз.

Его опередил новый голос:

– Иоф, прекращайте уже срываться на ни в чём не повинных людях.

Уставший, и оттого казавшийся напрочь лишенным злости.

Комендант, собственной персоной. В сопровождении брата и малоприятного здоровяка, бывшего, как Джи понял из разговоров, старшим охранником.

– Не лезьте хоть здесь не в своё дело, полковник.

Иоф продолжал стоять против солдата. Пленный задёргался на крючке, зрительный контакт ослабевал. А вместе с ним – хватка страха, которую исторгал строгий вид мужчины в шляпе и пальто.

– Вы бы повнушительнее нашли, – улыбнулся Ньют. – Бедняга едва на ногах стоит.

С этой же замученной улыбкой он обернулся к брату, но однорукий Копер стоял с отрешенным лицом. Словно ничего не видел вокруг.

Лишённый свиты, Ньют растерялся. Но настаивал:

– Пленным и так несладко пришлось

Джи вдруг увидел, как лицо Копера приобретает выражение странного интереса. Вслед за брошенными словами он оживал и выслушивал пустую речь брата, до поры не находя возможности вмешаться.

– Не нужно и здесь делать их жизнь невыносимой, – продолжал свою речь комендант.

Копер не дал закончить. С неожиданным жаром он перебил:

– Уж не боитесь ли вы тоже оказаться в плену, полковник?

При этом лицо оставалось лишенным эмоций. Он шутил. Но так, чтобы по возможности задеть.

И Ньют попался.

Куинджи и сам бы попался, выдумай Ром нечто подобное.

– Для вас, сержант,...

Нашел же время для поучительной беседы

– ...желание оставаться человеком диктуется исключительно страхом?

Но когда с запозданием понял, что брат его подначил, не нашел ничего лучше, как разозлиться:

– Я бы рекомендовал вам впредь не забываться, сержант.

Копер поднял обрубок плеча и уродливо помахал, как бы помечая засаду флажком.

– Сам видишь, я тебе никакой больше не сержант. Я расстрига, огрызок. Побереги лучше силы.

Потом обратился к Иофу:

– А Вы

Его *Вы* было куда внушительнее, чем *вы* Иофа.

Но он так и не нашел, что еще сказать. Вместо этого сплюнул под ноги.

Лицо Иофа переменялось.

– Комендант, вы бы лучше забрали своего калеку

Ньют шагнул навстречу. Хармс, напротив, сделал шаг назад, не желая вмешиваться.

Ситуацию разрядил старший охранник.

– Так, посторонние, отошли от клетки!

5. Грин режется в ножички

#1

Старый аэродром любили все окрестные дети.

Даже устарел он дважды.

Первый раз, – когда на его месте замыслили спальный район. Но вдруг получил второй шанс, отойдя военным.

Шанс оказался роковым. Птенцы выпорхнули из гнезда, а вместо них на взлетные полосы полетели бомбы.

Двухэтажное здание со службами и портовым терминалом превратилось в продолговатую гору строительного мусора. А асфальт вздыбился, став полигоном для прятков и салок.

Но главное достоинство места крылось в полном отсутствии взрослых.

Потому-то Грин и предложил Хармсу сюда двинуть. Решил во что бы то ни стало утащить Хармса подальше от города.

– Чем займемся? – спросил приятель, озираясь по сторонам.

От вопроса Грин обалдел. *Вроде же не глупый парень*

– А чем еще заниматься? – просиял он. – Сыграем в ножички.

Он повел Хармса меж гор и воронок. И вывел на пустырь

за портом. Здесь загодя расчистили пятак земли. По границам валялись вынутые камни, куски снарядов и выдранного из стен бетона.

С гордостью Грин достал из кармана нож – складной кра-савец, подаренный отцом.

Мальчишка начертил на земле круг и разделил пополам.

– Это моя половина, это твоя, – объяснял он, указывая лезвием, – бросаем по очереди. Режем, не сходя со своей – Я знаю правила, – перебил Хармс. – Бросай давай.

Грин хмыкнул. Потом кивнул.

Чего это он правда

Бросил не слишком удачно. Лезвие-таки выискало камушек, соскользнуло, и нож почти улегся на землю. Заученным движением Грин присел на корточки и подставил под рукоятку два вытянутых пальца.

– Проходят, – сообщил он, – Считается.

И отрезал кусок от территории Хармса.

Прияель оказался никудышным соперником, и Грина захлестнула бравада. Он шутил и подначивал. А Хармс ничего не замечал, тщательно выцеливая следующий неудачный бросок.

Четыре раза подряд Грин разделал мальчишку вчистую. Причем в одной из партий дело даже не дошло до бросков последнего.

Послышались голоса.

Грин подбоченился и встал перед Хармсом.

Из-за развалин выплыли головы Рихтера и Джи. И застыли, разглядывая Грина с Хармсом.

– Вы чего пришли? – первым спросил Грин.

Рихтер не счел нужным объясняться. А Джи ответил с вызовом:

– За тем же, зачем и вы.

– Мы первые, площадка наша.

Непрошенные гости подошли вплотную.

– Ты прекрасно знаешь: расчищали все вместе. Так что площадка общая.

Джи подошел к обломку плиты, который приподнялся выше уровня земли и потому оставался сухим и сравнительно чистым. Стянул с себя короткий плащик и остался в олимпийской куртке. Ярко-синего цвета с опущенным воротником и белоснежной молнией. Настоящая мечта. Джи казался в ней настоящим атлетом.

Но и это зрелище не остановило Грина.

– Ты давай-ка не раздевайся. Мы первые пришли. Либо ждите, либо проваливайте.

Грин встал у края, чтобы никто не мог заступить за границу круга.

Рихтер, остановившийся чуть поодаль, смерил его взглядом.

Грин его тоже заметил.

Комплекцией парнишку не обделили. Примерно того же роста, но Рихтер при том казался неохватным. Пусть мышцы надежно прятались под мясом и жирком, – никто бы не засомневался в их наличии.

Да потому что им приходилось таскать такую махину.

Лучше не обращать на него внимание

– Ладно, уговорили, играем, – Грин хлопнул в ладоши и столь же поспешно расчертил новый круг, не в пример больше старого. – Я и Хармс против вас, ребятаки.

– Я пас, – тут же отозвался приятель.

Грин ответил коротким взглядом. Но вида не подал.

– Повезло вам. Хармс отлично играет. – Сообщил он. – Ничего, значит, бросаю за двоих.

– Идет. – ответил Джи.

Рихтер вместо ответа подошел ближе.

– Кто выиграет, того и площадка. – Грин обращался к Джи. – Три партии?

– Согласен.

Игроки разошлись по сторонам. Первым выпало бросать Куинджи. У него была серебряная “бабочка”. Зажал лезвие между большим и указательным и бросил. Нож перекувырнулся в воздухе, блеснув на солнце, и со звяком упал. Грину показалось, что бросок смазан, он изготавился делать свой. Но невозмутимый Куинджи нагнулся и собрал раскрывшуюся от удара рукоятку. Лезвие вошло в землю чуть не под прямым углом.

– Считается, – возвестил Джи.

Грин отодвинулся, пока разрезали его территорию.

А Рихтер оказался столь же никудышным игроком, что и Хармс. И нож дурацкий, из дешевенькой стали.

Так что Грин быстро срезал с Рихтера землю. В итоге здоровяку пришлось бросать, стоя на одной ноге. Он пошатнулся и заступил.

Увлеченный неудачами напарника Джи несколько раз уронил нож. Грин развил успех и взял первую партию.

Во второй даже терпеливый Куинджи понял, что Рихтер только мешает. Поэтому цепко взялся за дело, и пока Грин возился с территорией напарника, Джи захапал почти всю землю Грина. У того был шанс отыгаться, но на решающем броске лезвие воткнулось так, что Грину удалось взять тонкую кишку, которая ничего не решила, а оставшиеся броски Джи буквально выбивали землю из-под ног противника.

Один-один.

– Последний раунд с усложнением? – предложил Грин.

– Давай.

Каждый следующий бросок делался из нового положения. Первые два-три давались легко, но, когда лезвие зажимали между мизинцем и безымянным, ножи всякий раз падали у обоих мальчишек.

Игра затянулась.

После очередного смазанного броска, вернувшего положение игроков на исходную, Джи предложил мировую.

– Ага, хитренький. – Ответил с улыбкой Грин. – Мой черед бросать.

Он прицелился, чтобы отхватить кусок побольше.

И попал в камень на первом же броске.

– Переброс, – тут же крикнул он и поспешил достать нож.

– С чего это вдруг?

Теперь Джи не был столь миролюбив. Несмотря на вялые протесты Грина, он выступил вперед.

Бросок за броском Куинджи дошел до мизинца. Аккуратно выставил нож, помогая себе левой. Отнял руку и, поймав баланс, бросил.

Нож вошел в землю.

Джи, не поверив в такую удачу, даже не сразу потянулся отрезать завоеванный кусок.

Грин с шумом выдохнул через ноздри. Знал, что партия сделана: следующая серия снова начнется из самой легкой позиции.

Парень наблюдал, как Джи вытягивается стрункой, примеряясь, сможет ли дотянуть линию отреза. С первой попытки не сумел, поэтому поставил колено на самый край, а нож взял кончиками пальцев. И потянулся.

Грин не выдержал и поддел его нож носком ботинка.

– Заступ! – одновременно выкрикнул он.

Разозленный Джи уже поднимался, чтобы высказать всё, что думает о судеюстве.

Грин уперся руками ему в плечи, не давая встать.

Куинджи сдавленно промычал

а ты не охерел ли

и попер вверх.

Грин двинул ему коленом в бок.

Куинджи так и сел задницей на землю.

– Я сказал заступ. Переход хода! – крикнул Грин.

Куинджи деланно отряхивал джинсы, а сам готовился прыгнуть на обидчика.

Не понадобилось.

Рихтер схватил Грина за плечо и вырвал из круга.

Грин засопел; раскраснелся и стиснул скулы, считая обиженным в первую очередь себя. И движимый правотой, ни капельки не испугался. Наскочил на Рихтера и толкнул обеими руками в грудь.

Он тоже слабаком не был, поэтому тяжеленный Рихтер отклонился и сделал по инерции шаг назад.

– А ты куда лезешь, толстяк? Двое на одного?

Между ними вырос каланчой Хармс.

Рихтер с Грином понимающе переглянулись. Самый старший, поэтому и включил взрослого.

– А ну, хорош, – сказал он. – Сейчас не то время, чтобы друг другу бока мять.

Джи подошел к остальной компашке.

– Может, лучше пленных посмотрим? – поддержал он мировую.

На лице Хармса восторга от затеи не отразилось. Но он

утвердительно кивнул. За ним двинул Рихтер. А Грин задержался возле Куинджи, пока тот натягивал плащ.

– Ничья? – предложил он.

Джи посмотрел на протянутую ладонь. Его лицо разгладилось, и он пожал руку.

– Хрен с тобой, – сказал он уже без следов какой-нибудь злости. – Ничья.

6. Рихтер заступается за чужих

Ажиотаж вокруг пленных спал.

Пленные на горожан тоже особенного внимания не обращали. Люди друг к другу привыкли.

Побродив вокруг как по базару, мальчишки осели на постаменте памятника. По краям пьедестала тянулись клумбы, заполненные черной землей.

Грин достал ножик и учил Куинджи коронному броску.

Джи из вежливости слушал, но посматривал на Рихтера, словно только тот и мог вытащить его из ловушки.

Хармс выковыривал из земли мелкие камушки и всякий раз выскребал грязь из-под ногтей с таким видом, будто собирался выговорить земле за то, что она там оказалась.

А то – щелкал поочередно пальцами. Так что Рихтер счел болтовню Грина самой полезной из всех разговоров.

Но не успел в неё толком углубиться, как их окликнул хриплый голос из-за решетки:

– Ребятки, у вас не найдется куска хлеба?

Рихтер повернулся и увидел в клетке живой труп.

Он много встречал кощеев в детских сказках, но этот был самый настоящий.

Мертвецом его делала не физиономия, похожая на мерзлую картошку – вся бугристая и бесформенная, с синими

прожилками и корявыми глазками. И не комплекция огородного пугала.

А аура смерти, повисшая на плечах. Ибо ни один из сокамерников не замечал его присутствия. Как только он оказался у решетки, остальные разом отпрянули вглубь клетки.

Джи сидел спиной. А Грин нехотя оторвался от беседы и поднял голову. Не более, чем инстинкт. Голова хотела снова вернуться к собеседнику, но мозг считал информацию и приказал остановиться.

– Ох ты ж

Единственное, что смог он выдавить.

Из-за спины Рихтера выдвинулся Хармс. Обе руки опустил по швам (левый кулак раздулся, потому что был полон камней), а голова потянулась вперед. Тень упала на сидящих ребят. Джи и Грин подняли глаза. Куинджи проворчал, чтобы Хармс отошел со света. А Грин проследил взгляд приятеля и снова уставился на пленного.

И в этот раз заметил, что и пленный смотрит точно также на Хармса.

– Хармс, – позвал Грин, – а это не тот же пленный, из-за которого весь сыр-бор

Он осекся и не договорил. Вместо этого подскочил и спрыгнул с пьедестала. Но ближе подходить струсил и только выдохнул:

– Кто же его так?

И повернулся за ответом к Хармсу. Как будто только тот

и мог знать.

– Это не он.

Хармс казался раздосадованным.

– Ты уверен? – всё не унимался Грин.

Он притворно шурился, оставаясь на почтительном расстоянии.

– Я подошел, когда охранник всех разгонял. Но мне показалось, что видел вот этого самого.

И он поморщился, еще раз взглянув на беднягу.

– Нет, это-не-он.

Хармс завелся и выглядел угрожающе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.